

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.46>

Воскобойникова Людмила Петровна

[Условия интерпретации текста \(на материале французского языка\)](#)

Цель данной статьи состоит в выявлении условий, необходимых для всестороннего понимания художественного текста как комплексного многократно закодированного образования. В качестве подобных условий рассматриваются энциклопедические знания читателя, социо-идиолектальные установки, различные стратегии интерпретации, зависящие от подключенных для анализа систем знаний, а также разнообразные изменения семантики лексических единиц под влиянием контекста произведения. Научная новизна работы заключается в выборе подхода для анализа, а именно в комплексном рассмотрении вышеупомянутых условий. Полученные результаты показали, что смысл художественного текста не задан полностью изначально, при его выводе необходимо учитывать целый спектр факторов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/7/46.html

Источник

[Филологические науки. Вопросы теории и практики](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 7. С. 234-238. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/7/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

8. Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. М.: Филология, 1997. Вып. 1. С. 82-103.
9. Красных В. В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: Филология, 1997. Вып. 2. С. 5-12.
10. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. М.: Азбука, 2015. 704 с.
11. Матвейчева Т. В. «СВОЕ» и «ЧУЖОЕ» как способ самоидентификации культуры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8 (50). Ч. 1. С. 117-119.
12. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург: ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т»; Ин-т социального образования, 2007. 207 с.
13. Степнова М. Где-то под Гроссето. М.: АСТ, 2016. 282 с.
14. Хализев В. Е. Теория литературы: учеб. для студентов вузов. Изд-е 4-е, испр. и доп. М.: Высш. шк., 2004. 431 с.

Precedent Phenomena with Sphere Source “Literature” in M. Stepnova’s Artistic Discourse

Volkova Roza Aleksandrovna, PhD
Kuban State University, Krasnodar
volkoff-83@mail.ru

The article is devoted to studying the precedence phenomenon in artistic discourse. The research objective includes identifying specificity of the precedent phenomena functioning in the modern literary text. Scientific originality of the study lies in the fact that precedent phenomena with the sphere source “Literature” are examined for the first time by the material of M. Stepnova’s stories. The findings indicate that precedent names and precedent statements are among the most frequent types of precedent phenomena. Special role of domestic literature as a source of precedence is emphasized, peculiarities of the precedent phenomena functioning in M. Stepnova’s artistic discourse are revealed.

Key words and phrases: precedent phenomena; precedent names; linguo-cultural community; artistic discourse; precedence; source of precedence.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.46>

Дата поступления рукописи: 22.04.2020

Цель данной статьи состоит в выявлении условий, необходимых для всестороннего понимания художественного текста как комплексного многократно закодированного образования. В качестве подобных условий рассматриваются энциклопедические знания читателя, социо-идиолектальные установки, различные стратегии интерпретации, зависящие от подключенных для анализа систем знаний, а также разнообразные изменения семантики лексических единиц под влиянием контекста произведения. Научная новизна работы заключается в выборе подхода для анализа, а именно в комплексном рассмотрении вышеупомянутых условий. Полученные результаты показали, что смысл художественного текста не задан полностью изначально, при его выводе необходимо учитывать целый спектр факторов.

Ключевые слова и фразы: интерпретация; энциклопедические знания; психоаналитическое и социологическое прочтение текста; мифопоэтика; мифологема; семема; актуализация/нейтрализация семы.

Воскобойникова Людмила Петровна, к. филол. н.

Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова
vosklud@yandex.ru

Условия интерпретации текста (на материале французского языка)

В современной лингвистике исследования текста занимают важное место, им посвящены сотни работ, предлагающих осмысление текста в определенном ракурсе. Художественный текст как сложная полифункциональная, поликодовая система исследуется как с позиций семиотики и литературоведения (Ю. М. Лотман [5], М. М. Бахтин [2], Р. Барт [1] и др.), так и с позиций различных направлений семантических исследований – когнитивной, условно-истинностной, интерпретирующей семантик (Б. Рассел [6], Дж. Лакофф [4], Ф. Растье [7] и др.).

Вместе с тем сочетание различных факторов интерпретации при выводе смысла текста рассматривается крайне редко и представляется недостаточно изученным. В этой связи *актуальность* предлагаемого исследования обуславливается как раз комплексным подходом к интерпретации текста с учетом разнообразных условий, способных существенным образом повлиять на истолкование смысла произведения.

Очевидно, что для полноценной интерпретации художественного текста следует принимать во внимание целый ряд аспектов. Отметим, в частности, что осмысление текста напрямую зависит от объема энциклопедических знаний читателей, их интерпретаторской позиции, от понимания тех изменений, которые претерпевает лексическая единица в контексте и других условий.

Для достижения цели данного исследования необходимо решить следующие *задачи*:

- выяснить, в какой мере на восприятие текста влияют кругозор читателя и социальные установки различного характера;
- выявить изменения семантики лексических единиц в контексте;
- показать, насколько прочтение текста диктуется стратегией интерпретации.

Теоретической базой работы послужили труды по интерпретирующей семантике, анализу текста и семиотике, в основном исследования Ф. Растье [Там же], И. Р. Гальперина [3], Ю. М. Лотмана [5], Р. Барта [1].

Основными *методами исследования* были выбраны метод анализа словарных дефиниций, а также микросемантический анализ, позволяющий на единой методологической основе описать разноплановые явления.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования результатов исследования в лекциях по теории текста, стилистике и лингвистической интерпретации текста, а также при дальнейшем изучении особенностей художественного текста.

Отметим, что зависимость возможностей интерпретации от общего кругозора читателя отмечалась разными исследователями. В частности, И. Р. Гальперин указывает на важность объема «общего тезауруса» [3, с. 37], а Ф. Растье связывает интерпретирующую компетенцию с запасом «энциклопедических знаний» читателя [7, с. 270-271]. В отличие от сторонников структуралистского анализа текста, основанного на имманентном подходе, французский лингвист настаивает на необходимости опоры на внетекстовые знания для понимания заложенного в текст смысла. К таким внешним по отношению к данному тексту знаниям могут относиться сведения об эпохе создания произведения, его жанровой принадлежности, авторе, об исторических событиях и личностях, упомянутых в тексте. Желательно также знание социально нормированных и идиолектальных семантических компонентов. Социально нормированные признаки осознаются носителями языка, поскольку они кодифицированы в культуре. Данные признаки обычно фигурируют в конце словарных статей и входят в состав фразеологизмов. Например, семема 'renard' *лиса* наделяется признаком /хитрый/, семема 'lion' *лев* – признаком /храбрый/ (ср.: “un fin renard” *проньера*, “un cœur de lion” *львиное сердце, храбрец* [10]). Однако подобные признаки, основанные на внелингвистических ассоциациях, могут не совпадать в разных языках (ср.: «труслив как заяц» в русском языке [8] и “brave comme un lapin” *храбрый как заяц*, “un fameux, un vrai lapin” *храбрец* во французском языке [10]).

Кроме социолектальных признаков, известных определенному социуму, существуют идиолектные семантические признаки, характерные только для стиля того или иного автора. В качестве примера приведем устойчивые ассоциативные параллели 'chat' *кошка* = 'sphinx' *сфинкс* = 'femme' *женщина* в произведениях Ш. Бодлера [9]. Подобное отождествление позволяет наделять семему 'femme' *женщина* признаком /загадочный/, что необходимо учитывать при истолковании произведений этого автора.

Проследим также возможные модификации семемы под влиянием контекста произведения. Речь идет о том, что семемы в тексте могут менять свою отнесенность к семантическому классу, переходить из класса в класс, образовывать новые, не свойственные языковой системе классы. Лексические единицы языка образуют весьма стройную иерархическую систему элементов, объединяясь в определенные классы по сходству своих семантических признаков, что отображено в словарях. Между тем образующиеся в контексте семантические множества (изотопии) могут кардинально отличаться от онтологической классификации.

Рассмотрим сначала переход лексических единиц из класса в класс. Зачастую происходит переход из класса //неодушевленное// в класс //одушевленное//, известный в лексикологии и стилистике как метафорический переход, в частности персонификация. Сравним для наглядности семантический состав лексемы “bibliothèque” *библиотека* в словаре и в контексте.

Обратимся к словарной дефиниции “bibliothèque” *библиотека* как здания в словаре Ларусс: “Local ou édifice destiné à recevoir une collection de livres ou documents qui peuvent être empruntés ou consultés sur place” [11]. / Помещение или здание, предназначенные для хранения собрания книг или документов, которые можно взять напрокат или почитать на месте (здесь и далее перевод автора статьи. – Л. В.).

Исходя из данного определения, можем представить семантический состав семемы 'bibliothèque' следующим образом: /неодушевленный/, /артефакт/, /здание/, /книги/, /большое количество/, /определенная организация/, /доступ читателей/.

Тем не менее в контексте литературного произведения семантика лексемы может претерпеть значительные изменения. Так, в стихотворении французского поэта Мориса Роллина “La bibliothèque” библиотека представлена как живое, причем очень страшное существо:

“...Je frissonais toujours lorsque j’y pénétrais:
Je m’y sentais, parmi des brumes et des râles,
Attiré par les bras des treize fauteuils pâles
Et scruté par les yeux de treize grands portraits...” [15]. /

*...Я всегда дрожал, когда входил туда:
Я чувствовал, среди туманов и стонов,
Что меня влекут руки тринадцати бледных кресел
И внимательно изучают глаза тринадцати больших портретов...*

Семема 'bibliothèque' наделяется в этом стихотворении признаком /одушевленный/ в контексте интерпретантов “râles” *стоны*, “les bras des treize fauteuils pâles” *руки тринадцати бледных кресел*, “scruté par les yeux de portraits” *внимательно изучают глаза портретов*. По сути, сема /неодушевленный/, ингерентная для словарного представления данной семемы, становится нерелевантной в контексте за счет актуализации противоположного афферентного признака.

Другим возможным изменением набора семных признаков семемы текста может стать нейтрализация большинства сем для акцента на оставшиеся. Покажем этот процесс на примере выражения “un océan de sécheresse” *океан сухости* из романа “Onitsha” (*Онича*) Ле Клезьо [14]. Автор использует данное выражение для описания выжженной солнцем пустыни. Словарная дефиниция семемы ‘océan’ *океан* позволяет выделить следующие семантические компоненты /обширное пространство/, /вода/, /солёный/ [11].

Однако в контексте произведения под влиянием ближайших внутритекстовых интерпретантов ‘sécheresse’ *сухость*, ‘feu’ *огонь*, ‘sable’ *песок* компонент /вода/ нейтрализуется, равно как и семы, относящиеся к качествам воды: /солёный/ vs /пресный/. Аллопность высказывания снимается, релевантной для понимания текста остается лишь сема /большое пространство/. Следовательно, в данном контексте происходит сокращение объема семных признаков в составе семемы, хотя в лексикологии данный процесс тоже назывался бы метафорой.

Семантика слова может также меняться с нейтральной или положительной на отрицательную, происходит пейорация смысла. Например, семема ‘pressentiment’ *предчувствие* определяется в словаре Ларусс нейтрально – как “Sentiment confus de connaître un événement, de savoir à l'avance ce qui va se produire” [Ibidem]. / *Смутное ощущение предвидения события, знания того, что произойдет*. В контексте романа Р. Гари “Adieu Gary Cooper” (*Прощай, Гари Купер*) персонаж явно наделяет это слово отрицательными коннотациями:

“Il eut un doute soudain. Un pressentiment. C’est toujours mauvais, le pressentiment, c’est même curieux. Personne n’a jamais eu un bon pressentiment” [13, p. 83]. / *У него внезапно возникло сомнение. Предчувствие. Предчувствие – это всегда плохо, что даже любопытно. Ни у кого никогда не было хорошего предчувствия*. Соответственно, в семеме ‘pressentiment’ сема /нейтральный/ или /смутный/ под влиянием контекста заменяется на /негативный/.

Более того, осмысление текста происходит под влиянием определенной стратегии, если таковая имеется у читателя. Речь идет в основном о специалистах в области социологии, психоанализа, мифопоэтики и людях, интересующихся этими отраслями знаний, которые, сознательно или неосознанно, истолковывают любые факты с позиции своей науки. Интерпретация в этом случае проходит через определенную призму, канву прочтения. Производится селекция значимых для данной системы знаний текстовых единиц в качестве интерпретантов осмысления. Набор приемов интерпретации, своеобразный инструментарий определенной отрасли знаний дает возможность осмыслить текст в соответствующем ключе.

Так, с позиции социологического подхода важными для осмысления произведения выступают такие аспекты, как классовая борьба, классовое неравенство, социальный статус, социальный слой и т.п. Соответственно, персонаж воспринимается как представитель определенной социальной среды, учитывается прежде всего его положение в обществе.

Представители психоанализа обратят внимание на бессознательное, конфликт сознания и бессознательного у персонажа, на его скрытые желания и страхи, либидинальные стремления, всевозможные комплексы и многое другое.

В целом можно говорить о взаимодополняемости указанных подходов к интерпретации: психоанализ даёт трактовку с позиции личности, социология – с точки зрения класса, но очевидно, что индивида можно отнести к определенному классу. Именно поэтому зачастую данные системы знаний учитывают в комплексе для целостной и всесторонней интерпретации текста.

В следующем отрывке из романа Р. Гари “Adieu Gary Cooper” (*Прощай, Гари Купер*) можно истолковать поведение главного персонажа как с точки зрения социологии, так и в психоаналитическом ключе. По сюжету, главный герой произведения, молодой американец Ленни покидает родину, боясь воинской службы во Вьетнаме. В Европе он знакомится с девушкой и живет у нее некоторое время. Тем не менее вскоре он бежит и от нее, опасаясь, что его найдут власти и призовут на службу. Тихая жизнь в спокойной Швейцарии предстает для него кошмаром:

“...il commençait à avoir des cauchemars: il se voyait installé dans une jolie maison, avec des volets en forme de coeur, avec un petit jardin potager derrière, et il était en train de jouer avec ses deux adorables enfants, pendant que Trudi chantait en schweizerdeutsch à la cuisine et il avait même un bon chien schweizerdeutsch qui le regardait avec amour et il y avait une boîte aux lettres dehors, avec son nom écrits dessus...” [Ibidem, p. 54]. /

...у него начинались кошмары: он видел себя живущим в симпатичном доме с ставнями в форме сердца, с огородиком позади, и он играл со своими двумя милыми детками, пока Труди пела на швейцарском немецком на кухне, и у него даже была хорошая собака, которая смотрела на него с любовью, а снаружи был почтовый ящик, на котором было написано его имя...

Такие семемы текста, как ‘une jolie maison’ *симпатичный дом*, ‘un petit jardin potager’ *огородик*, ‘adorables enfants’ *милые детки*, ‘un bon chien’ *хорошая собака*, ‘avec amour’ *с любовью* входят в контекстуальный класс /семейное счастье/. В социологическом ключе и общепринятом представлении данная изотопия несет положительную коннотацию, символизируя мечту о домашнем уюте и счастье.

Однако аксиологические установки персонажа противопоставлены обыденному мнению. В сознании главного героя подобная райская жизнь воспринимается как прямая угроза. Его чувства можно объяснить в психоаналитическом ключе. Расхождение собственных моральных установок личности с общественными устоями психоаналитики обычно объясняют как причину, вызывающую у человека чувство фрустрации, боязнь вхождения в общество. Таким образом, в рамках психоаналитической трактовки те же самые семемы формируют контекстуальный класс со значением /страх/. Совмещение социологического и психоаналитического подходов позволяет в данном случае отождествить /семейную жизнь/ и /страх/.

Другой возможный подход к интерпретации текста основан на мифопоэтике. Мифопоэтическое истолкование текста тесно связано с общим тезаурусом читателя, его начитанностью, кругозором, поскольку если аллюзия автора на определенный миф не будет воспринята реципиентом, то значительная часть авторского замысла останется непонятой, содержание текста от этого исказится, станет беднее.

Интерес к символическому, мифологическому дискурсу возрос в XX веке. Авторы обращаются к мифам Древней Греции и Рима, равно как и к библейским сюжетам, для повествования о современности в инскапозительной манере, вуалируя то, что по разным мотивам нельзя или нежелательно называть открыто. Среди библейских мифологем часто встречаются мотивы сотворения мира, райского сада, изгнания из рая, райского яблока, Ноева ковчега, ада; делаются аллюзии на Создателя, Деву Марию, Адама, Еву, Люцифера, ангелов и демонов.

Обратимся в этой связи к роману Мориса Дрюона “*La chute des corps*” (*Крушение столпов*). Один из персонажей произведения – режиссер театра Эдуар Вильнер – показан за своей обычной работой, однако даже простая репетиция спектакля под руководством этого постановщика описывается таким языком, что наводит на мысль о сходстве его работы с сотворением вселенной богом:

“...le grand vaisseau sommeillait dans une pénombre poussiéreuse de commencement du monde ; les travées de sièges disparaissaient sous les ondulations de longues housses grises ; la scène seule baignait dans la jaunâtre aurore d’un éclairage en demi-puissance.

La haute silhouette d’Edouard Wilner s’avança silencieusement dans la salle. Un fauteuil craqua au milieu du deuxième rang. La vieille divinité venait de s’asseoir au bord de la ténèbre pour modeler ses nouvelles créatures” [12, p. 118-119]. /

...большой зал дремал в пыльном полусвете начала мира; пролеты сидений исчезали под волнами длинных серых чехлов; одна сцена купалась в желтоватом свете зари включенного вполнощности освещения.

Высокая фигура Эдуара Вильнера молча прошла по залу. Кресло скрипнуло в середине второго ряда. Старое божество село на краю тьмы, чтобы вылепить свои новые создания.

Из данного примера видно, что театр перед началом репетиции представлен как первозданный хаос. Семама ‘vaisseau’ зал уподобляется первозданному состоянию нашего мира в контексте следующих внутритекстовых интерпретантов: “dans la pénombre poussiéreuse de commencement du monde” в пыльном полусвете начала мира, “la scène baignait dans la jaunâtre aurore” сцена купалась в желтоватом свете зари, “la ténèbre” тьма. Вполне закономерно в данном контексте постановщик сравнивается с Творцом: под влиянием таких интерпретантов, как “la vieille divinité” старое божество, “modeler ses nouvelles créatures” вылепить свои новые создания, ‘Эдуар Вильнер’ приобретает признак /богоподобный/.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что привлечение библейского сюжета дает возможность понять всю сложность и значимость деятельности режиссера, создающего и сам театр, и актеров, наподобие того, как бог создал вселенную и людей.

В целом мифология как своеобразный код, подключаемый при написании и прочтении произведения, позволяет автору более емко выразить свою мысль, а читателю (при совпадении кода, конечно) – лучше прочувствовать заложенный автором смысл.

Итак, приходим к следующим **выводам**. Прежде всего, было показано, что смысл текста нельзя считать полностью заданным изначально, несмотря на авторскую интенцию. Хотя автор закладывает определенный смысл в свое произведение, читатели по-разному осмысливают его в силу наличия у них разных интерпретаторских и лингвистических компетенций, разного объема тезауруса. Помимо этого, необходимо учитывать изменения значений лексических единиц в контексте произведения, приводящих к различным семантическим сдвигам. Таким образом, следует учитывать целый спектр факторов для максимально полного вывода смысла художественного текста. В данной перспективе изучение текста, несомненно, должно быть продолжено.

Список источников

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. М.: Искусство, 1979. 424 с.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 140 с.
4. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка / сост., ред. и вступ. ст. В. В. Петрова и В. И. Герасимова. С. 12-51.
5. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю. М. Чему учатся люди: ст. и заметки. М.: Центр книги Рудомино, 2010. С. 64-71.
6. Рассел Б. Дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Радуга, 1982. Вып. XIII. Логика и лингвистика (проблемы референции). С. 41-54.
7. Растье Ф. Интерпретирующая семантика / пер. с франц.; предм.-имен. указ. А. Е. Бочкарева. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2001. 367 с.
8. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 20.04.2020).
9. Baudelaire Ch. Les Fleurs du mal. P.: Librairie Générale Française, 1972. 402 p.
10. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnrtl.fr/definition/> (дата обращения: 20.04.2020).

11. **Dictionnaire Larousse** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais> (дата обращения: 03.04.2020).
12. **Druon M.** La Chute des corps. P.: Livre de poche, 1969. 382 p.
13. **Gary R.** Adieu Gary Cooper. P.: Gallimard, 1969. 252 p.
14. **Le Clézio J. M. G.** Onitsha. P.: Gallimard, 1991. 256 p.
15. **Rollinat M.** La bibliothèque [Электронный ресурс]. URL: https://fr.wikisource.org/wiki/La_Bibliothèque (дата обращения: 06.04.2020).

Conditions of Text Interpretation (by the Material of the French Language)

Voskoboinikova Lyudmila Petrovna, PhD

Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov
vosklud@yandex.ru

The aim of the article is to identify conditions essential to comprehensive understanding of literary text as a complex multi-coded entity. As such conditions the author considers a reader's encyclopaedic knowledge, social-ideological attitudes and different interpretation strategies dependent on the knowledge systems engaged in the analysis, as well as various changes in the semantics of lexical units influenced by the context of a literary work. Scientific novelty of the study lies in the chosen approach to the analysis, namely in comprehensive consideration of the aforementioned conditions. The attained results have demonstrated that the meaning of literary text is not pre-determined by default, one must take into account a full spectrum of factors while deducing it.

Key words and phrases: interpretation; encyclopaedic knowledge; psychoanalytic and sociological text interpretation; mythopoetics; mythologeme; sememe; seme actualisation/neutralisation.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.47>

Дата поступления рукописи: 20.05.2020

В статье на материале текстов русского рока в рамках оригинальной авторской методологии впервые проанализирован совокупный когнитивный опыт творцов «революционного рок-эксперимента» рубежа 1980-1990-х годов. Этим определяется научная новизна исследования. Цель исследования – раскрыть специфику деструктивности «революционного романтизма» отечественной рок-культуры. Полученные результаты показали, что в условиях контркультурной среды когнитивно-прагматическая программа (КПП) рок-поэтов строится на контрасте глобальной возвышенной цели и неудовлетворительного «итога». Ключевые категории революционно-романтического сознания (победа, вера, добро, борьба) перекодируются, а сами рок-поэты фиксируют различные формы и фазы разрушения (вплоть до суицидальности и абсурдности) «героической» КПП.

Ключевые слова и фразы: когнитивно-прагматическая программа (КПП); синтетическая языковая личность (СЯЛ); деструктивность; революция; симуляция; саморазрушение; «героическая эпоха» русского рока.

Иванов Дмитрий Игоревич, к. филол. н., доц.

Институт русского языка Сианьского университета иностранных языков, Китайская Народная Республика
Ivanb10@yandex.ru

«Силы освобожденные, но не преобразенные»: когнитивная автоинтерпретация «революционного рок-эксперимента»

Главной темой (по крайней мере, одной из главных) любой революции в творческом сознании ее деятелей «от культуры» является она сама. Однако собственно когнитивный план данной проблематики до сих пор мало изучен. *Актуальность* данной работы обусловлена тем, что в современной науке до сих пор остается нерешенным вопрос о специфике когнитивно-ментальных трансформаций целевых, самоидентификационных и инструментально-операциональных установок сознания творческой личности (рок-поэта) в контексте когнитивной автоинтерпретации своих конструктивно-деструктивных революционно-креативных практик. На наш взгляд, изучение этого вопроса позволит по-новому взглянуть не только на специфику философско-эстетических систем ведущих рок-поэтов (К. Кинчева, Е. Летова, Ю. Шевчука и др.), но и более точно определить значение и культурный статус «революционного» рок-движения в целом. Этот факт определяет *практическую значимость* работы. Результаты данной работы могут быть использованы в рамках литературоведческих, лингвокультурологических, социокогнитивных, лингвокогнитивных исследований, посвященных изучению творческой личности рок-поэта и дискурсивного пространства русской рок-культуры, органически вписанного в общий контекст культуры конца XX века.

Для определения парадоксально-деструктивной природы когнитивно-ментальной стратегии самоосмысления «революционного рок-эксперимента» творцами «героической эпохи» русского рока, которые сыграли значительную роль в «революционизации» общественного сознания, идейно и эмоционально готовя массы (прежде всего молодежь) к культурно-историческому «транзиту» рубежа 1980-1990-х годов, необходимо решить ряд конкретных *задач*: 1) определить общую направленность когнитивно-прагматической программы (КПП) представителей русского рока на рубеже 1980-1990-х годов; 2) раскрыть истинный когнитивно-ментальный статус рок-поэта